
НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

УДК 338.45.01

М. И. ЗВЕРЯКОВ,
*профессор, доктор экономических наук,
член-корреспондент НАН Украины,
ректор Одесского национального экономического университета*

ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА И МЕХАНИЗМ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ *

Обоснована объективная необходимость проведения промышленной политики как формы неоиндустриализации. Рассмотрены модели промышленной политики на разных этапах индустриального развития. Показано, что в большинстве развитых стран произошла эволюция промышленной политики от отраслевой к политике повышения конкурентоспособности. Инструментами достижения такой цели служат меры институционального характера. Сделан вывод, что главные задачи промышленной политики в Украине – это формирование полноценного корпоративного сектора, восприимчивого к нововведениям, а также создание институтов развития.

Ключевые слова: неоиндустриализация, промышленная политика, протекционизм, “новая экономика”, промышленная политика конкурентоспособности, институты развития.

M. I. ZVERYAKOV,
*Professor, Doctor of Econ. Sci.,
Corresponding Member of the NAS of Ukraine,
Rector of Odessa National Economic University*

INDUSTRIAL POLICY AND A MECHANISM OF ITS REALIZATION

The objective necessity to realize the industrial policy as a form of neoindustrialization is substantiated. Some models of industrial policy on different stages of the industrial development are considered. It is shown that, in the majority of developed countries, the evolution of the industrial policy from the sectoral one to a policy aimed at the competitiveness enhancement has been implemented. The tools to attain such purpose are measures of the institutional character. The conclusion is drawn that the main tasks of the industrial policy in Ukraine is the formation of a sound corporative sector receptive to innovations and the creation of development institutions.

Keywords: neoindustrialization, industrial policy, protectionism, “new economy”, industrial policy of competitiveness, development institutions.

Объективные основания для существования промышленной политики

В настоящее время Украина переживает сложный социально-экономический кризис, который отбросил ее на обочину экономического прогресса. Продолжа-

© Зверяков Михаил Иванович (Zveryakov Mikhail Ivanovich), 2016; e-mail: rector@oneu.edu.ua.

* Материал публикуется в порядке дискуссии, начало которой положил академик НАН Украины В.М. Гец статьей “Институциональная обусловленность инновационных процессов в промышленном развитии Украины” // Экономика Украины. – 2014. – № 12. – С. 4–19.

ющееся усугубление экономического положения нашего государства обусловлено неустойчивой политической ситуацией, падением цен на сырьевые товары, разрывом экономических связей с восточным соседом. Но главная утрата последних десятилетий — деиндустриализация национальной экономики. Даже в годы восстановительного роста ВВП его динамика не была обусловлена структурной трансформацией, переходом к производству наукоемкой продукции. Такой экономический рост обеспечивался благоприятной ценовой конъюнктурой на сырьевые товары.

Таким образом, нынешнее социально-экономическое положение в стране связано не столько с внешними, сколько с внутренними факторами, под которыми следует понимать деиндустриализацию и отсутствие движущих сил высокотехнологичного производства ВВП. Сокращение доли промышленного производства, а также добавленной стоимости в структуре ВВП свидетельствует о негативных тенденциях деиндустриализации *. Украина во все большей степени погружается в зависимость от экспорта сырья. Такая зависимость придает системному кризису более острые формы проявления, причем не только экономические, но и политические.

В широких слоях общества стала общепринятой мысль о том, что развитие Украины не возможно без модернизации отечественного производства. А это, в свою очередь, означает целенаправленную концентрацию факторов производства на выпуске товаров с высокой долей добавленной стоимости. Реализация таких целей требует структурных преобразований в экономике, что предполагает наличие промышленной политики и стратегического прогнозирования.

Сама по себе постановка вопроса о промышленной политике как основе долгосрочной стратегии является дискуссионной. Некоторые авторы считают, что выработка элементов промышленной политики и реализация ее основных составляющих в практике хозяйствования ограничивают действие рыночных механизмов, а также могут повлечь за собой неэффективное использование материальных, трудовых и финансовых ресурсов в случае выбора ложной стратегии, не отражающей общего технико-экономического тренда в условиях функционирования экономики инновационного типа [1, с. 12; 2, с. 8].

Между тем существует иная позиция, суть которой заключается в том, что разработка адекватной промышленной политики и проведение новой индустриализации являются единственно возможными альтернативами дальнейшему отставанию Украины от высокоиндустриального развития стран мира. Об этом свидетельствуют научные дискуссии, ведущиеся отечественными и зарубежными учеными [3; 4; 5; 6].

В эпоху глубокого системного кризиса, когда обсуждаются составляющие новой экономической модели как основы для долгосрочной стратегии развития, обозначенная проблема актуализируется. В настоящее время она должна находиться в центре внимания как исследователей, так и практиков нашей страны. Сегодня очень важно фиксировать те наметившиеся тенденции, которые связаны с изменениями в экономике западных стран, где реиндустриализация проходит в виде возвращения ряда производств из-за рубежа в форме создания новых промышленных производств. На практике в этом и заключается реализация промышленной политики в современных условиях.

---

* В 2014 г. в украинской экономике доля обрабатывающей промышленности в добавленной стоимости по видам деятельности сократилась на 7,83%, тогда как в странах ЕС — соседях Украины она возросла: в Болгарии — на 4,45%, в Чехии — на 5,51%, в Венгрии — на 6,75%, в Польше — на 7,78%, в Словакии — на 11,36% [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://unstats.un.org/unsd/snaama/selbasicFast.asp>.

В силу этого **цель статьи** – проанализировать некоторые подходы, обосновывающие саму необходимость промышленной политики и ее осуществления в отдельных странах (например, в Украине).

Сама необходимость проведения промышленной политики обусловлена, во-первых, объективно существующей потребностью в развитии высокотехнологичных отраслей, являющихся результатом функционирования национальных инновационных систем, и во-вторых – необходимостью координировать развитие отдельных фирм и инвестиций смежных отраслей по технологической цепочке производства добавленной стоимости в условиях глобальной конкуренции. Так, реализация планов развития предприятий отечественного оборонного комплекса, получающих финансирование из бюджета, не возможна без инвестиций в смежные отрасли (и прежде всего, в машиностроительный комплекс). Здесь объективно необходима координация действий между предприятиями, получающими заказы на конкурентной основе от конечных производителей. Таким способом могут восстанавливаться кооперационные связи в сфере машиностроения.

Следовательно, необходимость координации планов развития отдельных предприятий и инвестиций смежных отраслей, связанных технологически, становится объективным основанием для существования промышленной политики. Сами по себе рыночные сигналы не могут выполнять эту координирующую роль, в чем и заключается их ограниченная природа. Их дополняют государственное стратегическое планирование и регулирование: они должны снимать риски для инвестора, поскольку ни один инвестор не решится сделать стартовые капитальные вложения, пока не будет уверен в их возврате и окупаемости.

Именно с помощью промышленной политики возможно изменить отраслевую структуру в целях стимулирования экономического роста, основанного на росте производительности труда. Сама промышленная политика становится способом государственного регулирования прогрессивных структурных изменений в сфере производства, обеспечивающих выход на траекторию устойчивого экономического роста. Между тем неграмотное использование инструментов промышленной политики может привести к серьезным просчетам, то есть к утрате отраслями промышленности конкурентоспособности. Подобных примеров много. Их анализ показывает, что неэффективность такой промышленной политики была связана или с применением ошибочных механизмов регулирования, или с лоббированием интересов определенных бизнес-групп. Важно понимать влияние последнего обстоятельства.

Отечественный и зарубежный опыт показывает: от того, в чьих интересах работает хозяйственная система страны, зависят успехи или провалы промышленной политики. В тех случаях, когда хозяйственная система посредством государственного вмешательства подчинена клановым и групповым интересам, такая промышленная политика будет иметь худшие последствия, чем при так называемых “провалах рынка”. Об этом свидетельствует опыт развитых и развивающихся стран [7].

Но сами по себе неудачные примеры не должны ставить под сомнение необходимость проведения промышленной политики.

На наш взгляд, следует исходить из того, что любая страна, имеющая в структуре своего экспорта значительную долю сырья, испытывает влияние конъюнктуры сырьевых рынков на экономическое развитие. Она сталкивается с необходимостью проведения промышленной политики, направленной на поддержку развития обрабатывающих производств и снижение зависимости от внешних рынков. Важность стоящих перед страной структурных преобразований еще больше актуализировалась падением цен на товары сырьевого экспорта. За 2015 г. мировые цены

на железную руду снизились на 38%, на сталь — на 31%, на пшеницу — на 25%. Но это еще не предел. По прогнозам Всемирного банка, негативная тенденция сохранится: цены на железную руду могут снизиться на 15%, на сталь — на 10%, на сельскохозяйственную продукцию — на 1,4% [8].

Таким образом, в среднесрочной перспективе национальная экономика, ориентирующаяся на сырьевой экспорт, будет жить под постоянными угрозами внешней безработицы, платежного кризиса, валютной нестабильности и структурной перестройки вследствие изменений в отношениях и силах, находящихся за пределами ее влияния.

Как показывает отечественный и зарубежный опыт, необходимость проведения промышленной политики, направленной на ликвидацию структурных диспропорций, обусловлена тем обстоятельством, что, как правило, автоматически действующих механизмов, способных выровнять структурные диспропорции, не возникает.

Кроме того, исследование структурных деформаций в украинской экономике ещё в 80-е годы XX в. позволило сделать такой вывод: "Если в экономике страны возникают неблагоприятные структурные диспропорции, например, формируется отсталая, утяжеленная структура экономики, то, в конечном счете, это неблагоприятно влияет на всю систему управления в стране, поскольку структура экономики существенным образом влияет на систему управления" [9, с. 9–10].

При выработке вариантов промышленной политики, направленной на изменение модели экономического роста, следует проанализировать существующие концептуальные теоретические подходы к определению принципов функционирования хозяйственных систем на конкретно-исторических этапах их развития.

Промышленная политика в разных экономических школах

Анализируя общие подходы к реализации промышленной политики, следует указать на некоторые ее особенности в рамках разных экономических школ. Каждая из них по-своему понимает роль движущих сил в экономическом развитии и формировании макроэкономической политики государства.

Известно, что в рамках разных экономических школ (в частности, исторической, кейнсианской, неоклассической и институциональной) сложились разные, а подчас и противоположные, взгляды на роль государства в осуществлении промышленной политики.

Из истории экономической мысли известно, что поиск выхода из состояния технической отсталости страны позволил немецкому экономисту, выдающемуся представителю *исторической* школы Ф. Листу в начале XIX в. сформулировать основные принципы проведения промышленной политики. Он полагал, что неразвитость национальной промышленности опасна и губительна для национальной экономики, и утверждал, что отсутствие развитой промышленности ведет "к национальной слабости: материальной, умственной и политической" [10, с. 39].

Выход из ловушки технологической отсталости Ф. Лист видел в поддержке и развитии промышленности, а также в ее кооперации в масштабах национальной экономики для защиты слабой национальной экономики. То, что ученый рекомендовал для немецкой экономики, не было чем-то особенным. Протекционизм был присущ Европе и США практически весь XIX в., то есть во времена их индустриализации уровень тарифной защиты промышленности (30–40%) был в среднем в 5 раз выше, чем сейчас в развивающихся странах [11, с. 105].

Существующие исследования связи между средним уровнем тарифного обложения импорта готовых изделий и среднегодовым темпом прироста ВВП по 10 стра-

нам Запада и Азии показали их тесную корреляцию с конца XIX – начала XX в. Тогда многие развитые сегодня государства индустриализировались. Например, в период индустриализации США приблизительно с конца XVIII до начала XX в. вклад импортозамещения в прирост ВВП составил весомую долю – 1/5, а в расширение внутреннего рынка – около 3/4, тогда как вклад экспорта в это расширение – менее 1/10 [11, с. 105].

Однако со II половины XX в. связь между тарифной защитой импорта и экономическим ростом в целом в мире стала ослабевать. Для ряда стран развивающегося мира – латиноамериканских и азиатских – импортозамещение приводило ко многим негативным последствиям (в частности, из-за отсутствия конкурентных рынков – к торможению роста ВВП, к снижению технологического уровня и доходности производства, к увеличению внешней валютной задолженности [11, с. 105].

Как показывает пример развития новых индустриальных стран (таких, как Китай, Южная Корея, Тайвань), очень важно наращивать экспортоориентированное импортозамещение. Без активной промышленной политики сделать это невозможно. Из опыта Китая известно, что в 80-х годах прошлого века в структуре его экспорта около половины приходилось на сырье и топливо (включая нефть). Была поставлена цель – сократить экспорт сырья и нарастить экспорт продукции обрабатывающей промышленности.

Способом достижения указанной цели служила установка: “импортом вскармливать экспорт”. В замещении импорта осуществлялась политика освоения и наращивания производства экспортной продукции на импортном оборудовании внутри страны. В промышленной политике Китая различали два основных варианта производства: “с головы” и “с хвоста”, то есть частичное или полное производство изделий внутри страны [12, с. 106]. Эти два варианта промышленной политики Китая позволили сократить (с более чем 50% до 36%) экспорт продукции из импортных комплектующих и увеличить долю участия национальной экономики в так называемых “GVC” (“глобальных цепочках создания стоимости”). В результате проведения такой промышленной политики в Китае повысилось соотношение между стоимостью экспорта и импорта в сегменте внешней торговли (с 1,4 в начале века до 1,76 в 2014 г.) [12, с. 106].

Успешная реализация промышленной политики в Китае показывает, что сначала промышленная политика основывалась на давальческой торговле (то есть на продаже продукции в результате ее сборки из импортных комплектующих – “processing trade”), а затем осуществился постепенный переход к разработке собственной продукции с высокой добавленной стоимостью. Иначе говоря, в промышленной политике Китая наблюдались использование сравнительных преимуществ дешевой рабочей силы в начале развертывания этой политики в 80-е годы прошлого века, а затем – постепенный переход к разработке и полному освоению технологий производства промышленных товаров с высокой добавленной стоимостью.

Таким образом, при выработке модели промышленной политики необходимо учитывать все конкурентные преимущества на данном историческом этапе развития страны. Как отмечал М. Портер, исследуя конкурентные преимущества отдельных стран, “национальное процветание не наследуется – оно создается, национальное процветание не вырастает просто из природных ресурсов, имеющейся рабочей силы, процентных ставок или покупательной силы национальной валюты, как это настойчиво утверждается в классической экономике. Конкурентоспособность нации зависит от способности ее промышленности вводить новшества и модернизироваться” [13, с. 362].

Следовательно, история индустриального развития промышленно развитых стран, а также успешная реализация промышленной политики в современную эпоху дают основания утверждать, что при правильной разработке промышленной политики и ее успешной реализации конкурентные преимущества и место страны в мировой экономике могут создаваться.

Именно эта идея лежит в основе исторической школы. Иначе говоря, сам выбор вариантов промышленной политики — как средства достижения конкурентных преимуществ и более высокого положения в мировой экономике — зависит от понимания теми, кто осуществляет такой выбор, движущих сил, лежащих в основе обеспечения экономического прорыва.

Особое понимание движущих сил экономического развития с помощью инструментов промышленной политики сложилось в *кейнсианстве*. Например, в 50–60-е годы на базе кейнсианства для развитых стран активно разрабатывались вопросы стабильного экономического роста, а для развивающихся стран — концепции ускоренного экономического развития. Так, применительно к развивающимся странам, столкнувшимся с проблемой ускоренной индустриализации экономики, распространение получила разработанная в рамках кейнсианской школы так называемая концепция “большого толчка” (“big push”). Эта теоретическая концепция возникла как своеобразная реакция на проблемы послевоенного развития экономики. В центре ее внимания оказались проблемы индустриального развития стран послевоенной Европы, а также постколониальных стран. По мнению кейнсианцев, в этих странах наблюдались явления “порочного круга нищеты” и отсутствие “самоподдерживающегося экономического роста”. Концепция “большого толчка” возникла под влиянием “плана Маршалла”, ставшего своеобразным исходным импульсом для послевоенного развития западноевропейских стран [14, с. 451–459]. В центре внимания этих стран оказались проблемы новой индустриализации. Что же касается постколониальных стран, то для них главными стали проблемы первичной индустриализации. Классическое кейнсианство не было готово к решению возникших проблем, поскольку его модели были применены к индустриальным экономикам, находящимся в депрессивном состоянии в краткосрочном периоде. Поэтому возникли новые кейнсианские концепции, которые под развитием понимали прогрессивные структурные изменения в национальных экономиках. Сами эти изменения являются следствием технико-экономических преобразований, которые должны обеспечивать устойчивый экономический рост.

Обобщающая идея этого уже нового кейнсианского направления заключалась в несомненной связи между темпами роста инвестиций и темпами роста ВВП. Для модели роста стратегической переменной были инвестиции. Неокейнсианцы исходили из того, что для модернизации страны необходимы крупные вливания капитала, результатом которых может стать экономический рост. В рамках этой теоретической концепции “большого толчка” определяющая роль изменений отводилась государству, которое должно ориентировать экономическое развитие в направлении прогрессивных структурных изменений. Рост инвестиций в приоритетные отрасли экономики должен происходить путем увеличения нормы сбережений и трансформации их в инвестиции [14, с. 451–459].

Иной взгляд на общие принципы реализации промышленной политики сложился в рамках *неоклассики*. Представители неоклассической школы всегда исходили из того, что рынок служит идеальным регулятором всех экономических пропорций. Поэтому вмешательство государства в рыночную экономику они считали

крайне нежелательным, поскольку, на их взгляд, экономика функционирует наилучшим образом на основе естественных законов развития.

За основу своих теоретических концепций неоклассики принимают проблему рационального использования имеющихся ресурсов и свободу предпринимателей в организации производства. В промышленной политике неоклассическая школа особое внимание уделяет проблеме конкурентоспособности национальной экономики и созданию условий для внедрения инноваций за счет частной инициативы. В условиях развития высокотехнологичных производств неоклассическая концепция промышленной политики выступает в форме новой модели экономики – так называемой “новой экономики” (“new economy”), которой присуще стремительное увеличение инноваций в производство. Характерной чертой новой экономики является ускоренное разворачивание новых производств с высокой добавленной стоимостью. Акцент в промышленной политике переносится на обеспечение конкурентоспособности национальной экономики в условиях открытого рынка. Смена приоритетов и механизмов реализации промышленной политики привела к тому, что в литературе сам термин “промышленная политика” (“industrial policy”) стал заменяться термином “промышленная конкурентная политика” (“industrial competitiveness policy”). В рамках неоклассической концепции современная промышленная политика приобрела “мягкие” формы влияния со стороны государства. Они смещаются на реализацию мер поддержки наукоемкой сферы посредством подготовки кадров, создания условий для упрощения внедрения инноваций и т. п.

Заслуживает внимания также *институциональная* концепция промышленной политики. Именно в рамках институциональной школы были выдвинуты идеи создания “полюсов роста” и поддержки отраслей – “локомотивов развития”. Эта концепция состоит из трех основных взаимосвязанных элементов. Главным “локомотивом роста” определяется ведущая отрасль, обладающая мощным потенциалом роста и большим мультипликативным эффектом. Импульсы развития ведущей отрасли стимулируют развитие технологически сопряженных отраслей, связанных с ведущей отраслью системой отношений типа “затраты – выпуск”. Эти отношения, образующие второй элемент “полюса роста”, служат способом передачи мультипликативного эффекта ведущей отрасли на всю национальную экономику. Наконец, третьим элементом “полюса роста” становится пространственное объединение производств, обеспечивающее предприятиям получение “внешней экономии”, то есть взаимосвязанных эффектов, изменяющих экономическое пространство территорий [15, с. 64].

В отношении стран с развивающейся экономикой институционалисты делали акцент на модернизации национальной промышленности [16, с. 181, 232].

Таким образом, анализ различных взглядов на промышленную политику в рамках основных экономических школ дает основания утверждать о наличии ее разных моделей. Поэтому на выбор конкретной модели влияют степень развитости национальной экономики и производственная специализация отраслей ее промышленности. Как показывает опыт, обычно страны, имеющие развитую обрабатывающую промышленность и модернизированный финансовый сектор, склоняются к реализации неоклассических сценариев промышленной политики.

Эволюция промышленной политики

Осознание реальных трудностей экономического развития нашей страны, проявляющихся в снижении темпов роста промышленности, нарастающем старении основного капитала из-за низких норм накопления и конкурентоспособности оте-

чественных предприятий, в условиях открытых рынков ставит на повестку дня проблему дальнейшего развития украинской промышленности.

Усиление структурных деформаций в национальной экономике вследствие более быстрого роста ее сырьевых отраслей привело к снижению уровня технического развития промышленности, углублению межотраслевых и территориальных диспропорций, сокращению экспорта и опережающему росту импорта, что, в свою очередь, обострило дефицит валютных поступлений. Все это демонстрирует утрату украинской экономикой конкурентных преимуществ на глобальных рынках.

Нарастание серьезных проблем в промышленном секторе экономики вынуждает власть и бизнес искать новые подходы к хозяйственному развитию. На наш взгляд, наиболее приемлемым из них может стать разработка макроэкономической политики с учетом интересов предприятий реального сектора экономики. Как уже отмечалось, конкретной формой такого взаимодействия государства и промышленного бизнеса является выработка национальной промышленной политики. Однако среди ученых и управленцев нет единого мнения по поводу существования самой промышленной политики в Украине. Негативное отношение многих экономистов и государственных управленцев к активной промышленной политике можно объяснить тем, что они понимают ее как *набор традиционных инструментов по поддержке отдельных отраслей (как правило, отстающих) путем бюджетного субсидирования и предоставления различных льгот*. Именно такое содержание промышленной политики имело место в прошлом украинской национальной экономики и в советский период, и в годы независимости. Получение налоговых льгот; поддержка отраслей из бюджета в форме или бюджетного финансирования инвестиционных программ, или финансирования части процентных ставок по кредитам; и т. п. — все это наблюдалось в макроэкономической политике Украины на протяжении всего периода ее независимого существования. У такого рода промышленной политики вполне обоснованно могут быть противники — как среди управленцев, так и среди научного и экспертного сообщества, как в стране, так и за рубежом [7].

Но такая прямая поддержка отдельных отраслей как один из видов промышленной политики, осуществлявшаяся в современной украинской экономике, почти не встречалась в зарубежной практике, за исключением непродолжительного послевоенного периода (в 50–60-е годы) в экономиках Франции и ФРГ.

В промышленной политике Франции особое значение придавалось отраслям — “локомотивам” экономического роста, с определенными целевыми установками. Одни из этих отраслей (в частности, металлургическая и цементная) выполняли задачу модернизации реального сектора экономики в целом, а другие — например, сельскохозяйственное машиностроение — поддерживались ради подъема аграрной сферы, тогда как автомобильная промышленность — для наращивания поступлений валютных ресурсов в экономику. В 50–60-е годы приоритетные сферы в промышленной политике были выделены также в Западной Германии, а в 70-е годы — в Южной Корее. Однако непосредственными объектами промышленной политики становились не сами по себе отрасли, а отдельные предприятия в этих приоритетных отраслях [17, с. 45].

Это была институциональная политика выращивания “национальных лидеров экономики”. Критериями выделения одной-двух фирм в национальной экономике были: во-первых, их способность создавать мультипликативный эффект для сопряженных предприятий (сегодня это называют “взаимодействие в рамках кластеров”); во-вторых, их способность конкурировать с зарубежными фирмами на мировых рынках; в-третьих, реальное технологическое лидерство предприятия в определенных товарных группах. Например, в ФРГ в 50–60-е годы таким предприя-

тиям – лидерам отрасли предоставлялась кредитная поддержка путем рефинансирования государственными банками частных банков, которые, в свою очередь, оказывали поддержку самим этим предприятиям.

В 70-е годы в промышленной политике произошли изменения критериев, на основании которых осуществлялась поддержка отдельных предприятий отрасли. Например, в Южной Корее приоритетными стали те предприятия, где высокими были доля расходов на НИОКР и уровень менеджмента, где существовала четкая стратегия их развития, и т. п. Крупные компании, взаимодействуя с государством, определяли механизмы освоения тех производств, которые позволяли им накапливать технологические новшества, кадровые и финансовые ресурсы. В результате такого взаимодействия финансово-промышленные группы, возникшие в автомобилестроительной отрасли, постепенно охватывали другие сферы – электронику, информатику и биотехнологии [17, с. 45]. Главный итог взаимодействия государства и бизнеса – понимание того, что не существует отстающих отраслей, а существуют устаревшие технологии. Именно это утверждал известный исследователь современной теории конкуренции американский экономист М. Портер [13, с. 136–137].

Стало быть, когда в отдельных отраслях были созданы мощные корпорации, успешно конкурирующие на глобальных рынках, тогда в 90-х годах промышленная политика эволюционировала от корпоративно-отраслевой стадии к институциональной.

Государство отказалось от жестких отраслевых приоритетов, а новое влияние на бизнес начало осуществлять путем создания эффективной институциональной среды. В условиях высокодиверсифицированной структуры бизнеса в рамках корпораций стали концентрироваться также инвестиционные ресурсы, играющие ключевую роль в долговременном росте промышленности.

Итак, в высокоразвитых странах произошла эволюция государственной промышленной политики от отраслевой к *политике конкурентоспособности*.

При выработке конкурентной политики государство и бизнес выступают как равные партнеры. Именно создание эффективной инвестиционной среды, отход от отраслевых приоритетов стали заключительным этапом и современной формой промышленной политики. Это произошло уже после создания крупных ТНК в ведущих отраслях, что не было исходным пунктом такой политики.

Поэтому вопросы формирования промышленной политики в странах с формирующимися рынками (в том числе в Украине) не могут быть решены по какому-то шаблону. Они требуют внимательного изучения специфики каждой отдельно взятой страны. Уровень экономического развития национальной ресурсной базы, технологического состояния промышленности, развития конкурентных позиций в отдельных сегментах глобальной экономики государству необходимо учитывать при выработке конкретного сценария промышленной политики.

Некоторым западным исследователям, изучающим проблемы разработки промышленной политики в странах с переходной экономикой, присущи стандартные подходы, не учитывающие специфику каждой отдельной страны. Так, в рамках стандартного подхода рекомендуется сначала получить выгоду от наиболее конкурентных в данное время продуктов (например, для Украины это производство зерна). Как результат, накопленные инвестиционные ресурсы могут быть реинвестированы в отрасли с более высокой добавленной стоимостью. Ориентация же на более высокотехнологичные отрасли, не соответствующие индустриальным возможностям страны, с большой долей вероятности закончится неудачей. При этом рекомендуется определить модель социально-экономической трансформации и при-

нять меры для пошагового усиления и развития соответствующих преимуществ [18, р. 139]. Разработчики промышленной политики должны в большей степени заботиться о том, насколько та или иная отрасль конкурентоспособна, нежели о том, насколько она высокотехнологична.

При внимательном рассмотрении этого современного теоретического подхода к промышленной политике слаборазвитых стран становится очевидным, что в его основе лежит “теория сравнительных преимуществ”, изложенная Д. Рикардо в книге “Начала политической экономии и налогообложения”, увидевшей свет в XIX в. [19, с. 144–150]. Поскольку текущая конкурентоспособность слаборазвитых стран ограничивается, главным образом, сырьевыми отраслями, постольку сторонники такой модели промышленной политики воспроизводят теорию Д. Рикардо, утверждающую, что это “позволяет стране полноценно специализироваться на бедности” [20, с. 151]. Подобная теоретическая позиция не может устраивать эти государства (в том числе и Украину).

Поэтому применительно к развивающимся странам и странам с переходной экономикой возникла другая концепция промышленной политики, обосновывающая тезис о том, что эти страны не должны придавать первостепенное значение своим сравнительным преимуществам на *текущий момент*. Суть такой концепции заключается в том, что промышленный капитал перетекает из отраслей с низкой добавленной стоимостью в те отрасли, где производятся товары и предоставляются услуги с большой добавленной стоимостью. В этих последних отраслях происходит активное развитие передовых технологий, что, в свою очередь, способствует научно-техническому развитию национальной экономики [21].

Сторонники такой позиции, по сути, являются приверженцами теории межотраслевой конкуренции, отражающей процессы притока промышленного капитала в более доходные отрасли. Организация именно высокотехнологичной индустрии, развитие производств с большой долей добавленной стоимости становятся главными приоритетами промышленной политики. Такие приоритеты являются формой неоиндустриального развития.

Для Украины, с ее не до конца утраченным технологическим потенциалом, приоритет в промышленной политике предприятий с наибольшим потенциалом конкурентоспособности должен стать определяющим.

Таким образом, история развития и функционирования промышленной политики показывает, что произошла ее постепенная эволюция от *отраслевой* к государственной промышленной политике повышения *конкурентоспособности*, к которой в настоящее время стремится большинство развитых и быстроразвивающихся стран. В ее выработке на правах равноправных партнеров принимают участие органы государственного управления и “корпоративный сектор”.

Сегодня в странах ЕС конкурентная промышленная политика выступает в форме “новой промышленной политики”, которая является основой для обеспечения устойчивого экономического роста на базе повышения конкурентоспособности отраслей реального сектора экономики*.

---

* Вследствие экономического кризиса 2007–2009 гг. в ЕС промышленное производство сократилось на 10%, а количество рабочих мест – на 3 млн. В то же время на долю промышленной продукции приходится более 80% европейского экспорта и 80% частных инвестиций. В соответствии со “Стратегией-2020”, за счет инноваций в реальный сектор экономики планируется увеличить долю промышленности в ВВП ЕС с 15% до 20%. Поэтому в 2010–2012 гг. Европейская комиссия разработала основные направления развития *промышленной политики*. Правительства ряда европейских стран (в частности, Франции, Германии, Великобритании, Италии, Испании) обнародовали национальные среднесрочные промышленные стратегии.

Инструментами для достижения поставленных целей служат меры институционального характера, создающие условия для усиления инновационной активности фирм как способа повышения их конкурентоспособности. Поэтому следует иметь в виду, что качество институциональной среды оценивается на макро- и микроуровнях. В первом случае это качество определяется действенностью системы государственного управления, направленной на обеспечение заинтересованности в инновационных технологиях, на учетывание национальных особенностей социально-экономического и исторического развития страны. Иначе говоря, создание институциональных условий для возникновения фирм в любой отрасли, реализующей масштабные инновационные проекты как основной ресурс своей конкурентоспособности, — главная задача промышленной политики на *макроуровне*.

Такие фирмы-новаторы, являясь источником инновационных изменений для других предприятий отрасли и за ее пределами, вызывают тем самым мультипликативный эффект нововведений *. Они же заинтересованы иметь устойчивые конкурентные преимущества в форме *технологической ренты*, основным носителем которой выступает более высокая по сравнению со среднеотраслевой добавленная стоимость.

Следовательно, целью промышленной политики на макроуровне являются создание и развитие в экономике, в какой-либо ее отрасли, высокотехнологичных фирм, которые смогут обеспечить конкурентоспособность на глобальных рынках. Именно наличие таких фирм, способных осуществлять необходимые инвестиционные проекты по повышению конкурентоспособности, то есть обеспечивать расширенное воспроизводство, является необходимым институциональным элементом промышленной политики на *микроуровне*, где создаются реальные товары и услуги и обеспечивается экономический рост. Именно на такие фирмы, существующие в форме корпораций, в наиболее развитых странах приходится значительная доля финансирования на научные разработки. Так, в Японии на частные корпорации приходится 77% инвестиций в инновационные разработки, в США — соответственно, 65%, в ФРГ — 68%. В Китае этот показатель составляет 69% [23, с. 6].

Крупные компании инвестируют в инновационные разработки по следующим причинам. Во-первых, организация собственных исследовательских подразделе-

«Стратегия-2020» определила 6 основных приоритетных направлений инновационного развития европейской промышленности на ближайшие десятилетия. В их числе: 1) передовые производственные процессы (3D-технологии, энерго- и материалоеффективные процессы, возобновляемые энергоресурсы); 2) ключевые стимулирующие технологии (макро- и нанoeлектроника, новые материалы, промышленная биотехнология, фотоника, нанотехнологии, новые производственные системы); 3) продукция на основе биотехнологии; 4) устойчивые строительные и сырьевые материалы; 5) «чистые» транспортные средства; 6) «интеллектуальные» энергосистемы.

Развитие обозначенных направлений и формирование европейской промышленности будут зависеть от комплекса мероприятий институционального и рыночного характера, в числе которых:

- функционирование новых координирующих структур (включая рыночные регуляторы единого рынка, скоординированное развитие инфраструктуры, координацию научной, инновационной и кадровой политик);
- обеспечение доступа к рынкам и финансированию (включая развитие рынков промышленных товаров [22]).

Крупнейшим современным финансовым инструментом стимулирования инвестиционного развития в ЕС является семилетняя Программа «Горизонт-2010», с общим объемом финансирования на 2014–2020 гг. в 80 млрд. евро.

* По оценкам европейских экспертов, в процессе реализации конкретных планов «Стратегии-2020» создание 100 новых рабочих мест в промышленности приведет к возникновению до 200 новых рабочих мест в других секторах экономики.

ний позволяет экономить на масштабах производства и трансакционных издержках. Во-вторых, это дает возможность получать большую часть прибыли, возникающую в результате инвестиций в инновации, через охрану прав интеллектуальной собственности. В-третьих, использование монополии на инновационные технологии обеспечивает фирмам поддержание лидирующих позиций на рынках в условиях строгого антимонопольного законодательства [23, с. 6].

Поэтому в высокоразвитых странах сама корпорация как одна из форм *института фирмы* обладает специфическими чертами. В них знания, интеллектуальный капитал становятся главным элементом активов. В этом новом типе активов все большую долю занимают научные открытия (“ноу-хау”), патенты, брэнды и т. п. Взаимоотношения с сотрудниками оформляются более гибкими контрактами. Например, в корпорации “Google” контрактами предусматривается использование трети рабочего времени на свободное творчество сотрудников. Иначе говоря, происходит отказ от жесткого контроля деятельности сотрудников, работа которых во все большей мере приобретает элементы творчества.

Приведенные черты современной фирмы отображают одну из двух тенденций в развитии корпоративного сектора в условиях глобальной конкуренции. Второй тенденцией в развитии фирм являются усиление процессов диверсификации в корпорациях и создание многоотраслевых финансово-промышленных групп. Такого рода черты характерны для корпораций стран с развивающимися рынками (Китай, Индии, Бразилии, Малайзии).

В странах, возникших на постсоветском пространстве (в том числе и в Украине), началось формирование крупных корпораций.

Финансово-экономический кризис 2007–2009 гг. в Украине показал, что именно такие многоотраслевые корпорации-холдинги оказались наиболее устойчивыми институциональными образованиями, сумевшими пережить все кризисные потрясения.

Однако в украинской экономике корпоративный сектор формируется в основном в сырьевых отраслях, на базе “традиционных” предприятий, отличающихся высокой капиталоемкостью. Такие корпорации традиционного типа имеют вертикально интегрированную структуру с жестким прямым контролем производства по цепочкам добавленной стоимости и предпочитают использовать разные формы рентного поведения, а не разрабатывать инновационные стратегии. В этом заключается главная проблема отечественных корпораций. Занимая монопольное положение на внутреннем рынке, они, хотя и уступают глобальным мировым лидерам в производстве определенных товаров, но пока еще удерживают конкурентные позиции на глобальных сырьевых рынках за счет, например, либерального природоохранного законодательства. В свою очередь, это позволяет украинским корпорациям не нести огромные расходы по восстановлению окружающей природной среды, которые для западных корпораций составляют существенную долю их производственных затрат. Также, благодаря низким издержкам по воспроизводству основного капитала и рабочей силы, им удается удерживать конкурентные позиции на глобальных рынках.

Следовательно, в украинской экономике такие важнейшие институты промышленной политики, как *фирмы, корпорации*, остаются индифферентными к нововведениям как способу повышения их конкурентоспособности. Поэтому главным недостатком всех реформ, проводимых в прошлом, была недооценка необходимых институциональных изменений, стимулирующих инновации на микроуровне, то есть на фирме, где создаются реальные материальные блага.

Стало быть, главная задача новой промышленной политики – это формирование полноценного корпоративного сектора, *восприимчивого к нововведениям* во всех секторах экономики. Достижение такой цели будет первым, но очень важным шагом в создании компаний нового типа. Для этого государственным органам необходимо решить две задачи: первую – создать для бизнеса систему стимулов к повышению инновационной активности, развитию наукоемких производств; вторую – увеличить долю инновационно активных компаний в отраслях экономики.

Мировой опыт свидетельствует, что промышленная политика не может быть независимой от экономического регулирования со стороны государства. Таким образом, промышленная политика в узком понимании – это совокупность государственных решений, стимулирующих внедрение инноваций в корпоративном секторе.

В серьезном обсуждении нуждается вопрос об институтах развития, или инновационной инфраструктуре. Например, для активизации присутствия иностранных инвесторов и трансфера передовых технологий в украинском промышленном секторе необходимо создать специальное *агентство по трансферу новых технологий* – такое агентство, которое бы, с одной стороны, принимало сигналы от бизнеса и передавало их носителям передовых технологий, а с другой, оказывало помощь, совместно с другими институтами развития (инновационными центрами, специальными банками наподобие немецкого “KfW” – “кредитного учреждения для возрождения”), в трансфере передовых технологий.

Еще одна актуальная проблема для украинского бизнеса – это превращение национальных корпораций в активных участников поиска инновационных технологий путем обеспечения открытости корпоративных структур. Сегодня они закрыты и не “прозрачны” для иностранных инвесторов. Наличие высокого внутреннего контроля активов со стороны собственников, придерживающихся консервативной политики, тормозит технологическое развитие, которое бы стало возможным с помощью иностранных технологий.

Как показывает изучение зарубежного опыта последнего десятилетия, и в европейских, и в азиатских странах в фокусе промышленной политики находятся компании, быстро растущие на основе ассимиляции инновационных достижений. С подачи американского исследователя Д. Берга, они получили название “газели”. Эти компании служат площадкой для возникновения “национальных чемпионов”, способных завоевать национальные и мировые рынки. Примеры работы государства с этими национальными лидерами свидетельствуют, что такое взаимодействие происходит селективно, целенаправленно путем перехода от одного уровня к другому.

Исследователи промышленной политики в других странах отмечают, что создание и развитие крупных мировых компаний всегда происходили при участии государства. “Если поскрести хорошенько любого лидера мировой высокотехнологической индустрии, то обнаружится большое количество государственных генов. Как создавался тот же “Самсунг”? Это десятилетия государственной поддержки... Именно они (такого типа фирмы. – *М.И.З.*) будут выступать как технологические концентраторы, порождая и объединяя вокруг себя тот самый малый инновационный бизнес, о котором все мечтают” [24, с. 45].

Разработка национальной промышленной политики должна, с одной стороны, опираться на богатый исторический опыт высокоразвитых стран, а с другой – исходить из собственного прошлого и современного социально-экономического и политического развития страны.

Анализ исторических этапов развития промышленной политики позволяет сделать вывод о том, что в современных реалиях происходит стирание существенных различий между моделями прошлого. Появляются схожие тенденции, в частности — создание условий со стороны государства фирмам и корпорациям для повышения их конкурентоспособности на глобальных рынках.

При выработке и реализации промышленной политики применительно к украинской экономике нужен поэтапный подход. На первом этапе необходимы: во-первых, понимание безальтернативности неоиндустриализации как политическим классом, так и бизнесом; во-вторых, осознание того, что модернизация может стартовать и в таком "исходном пункте", в каком пребывает отечественная промышленность (следует лишь четко понимать цели и этапы самого движения, о чем свидетельствует опыт реализации активной промышленной политики во многих странах); в-третьих, учитывание того обстоятельства, что из-за нехватки инвестиционных ресурсов для модернизации промышленности на первом этапе важно создать институты и механизмы технологического заимствования (о чем свидетельствует опыт Китая, который в начале своей модернизации на протяжении 10–15 лет осуществлял ее путем технологического заимствования). На первом этапе роль государства в процессе выработки промышленной политики может ограничиваться созданием рыночных институтов и условий для формирования корпораций, накопления ими финансовых ресурсов для инвестиций, поддержки конкурентной среды. На втором этапе, когда уже заработают рыночные институты и у государства будут накоплены финансовые ресурсы, станет возможным переход к поддержке активной инновационной промышленной политики фирм, утвердившихся на глобальных рынках.

Список использованной литературы

1. Гуриев С., Плеханов А., Сонин К. Экономический механизм сырьевой модели развития // Вопросы экономики. — 2010. — № 3. — С. 12.
2. Мау В. Между модернизацией и застоём экономической политики 2012 года // Вопросы экономики. — 2013. — № 2. — С. 8.
3. Вишневский В. Промышленная политика: теоретический аспект // Экономика Украины. — 2012. — № 2. — С. 4–15; № 3. — С. 25–35.
4. Гец В.М. Барьеры на пути развития промышленности на инновационной основе и возможности их преодоления // Экономика Украины. — 2015. — № 1. — С. 4–25.
5. Рассадина А. Промышленная политика как фактор структурной трансформации // Экономист. — 2015. — № 7. — С. 30–42.
6. Толкачев С. Две модели неоиндустриализации: Германия — "индустриализация 4.0", США — "Промышленный интернет" // Экономист. — 2015. — № 9. — С. 13–23.
7. Khan M. The Industrial Policy. Governance Challenge // SOAS, University of London. German Development Institute, Bonn, 2014. — September. — P. 1–9.
8. Петлевой В. Металл без спроса // Ведомости. — 2015. — 25 декабря.
9. Яременко Ю.В. Приоритеты структурной политики и опыт реформ. — М. : Наука, 1999. — С. 9–10.
10. Лист Ф. Национальная система политической экономии. — М. : Европа, 2005. — С. 39.
11. Мельянец В.А. Обзор дискуссии // Мировая экономика и международные отношения. — 2015. — № 10. — С. 105.
12. Салицкий А.И. Обзор дискуссии // Мировая экономика и международные отношения. — 2015. — № 10. — С. 106.

13. *Портер М.* Конкуренция. – М. : Издательский дом “Вильямс”, 2005. – С. 362.
14. *Худокормов А.Г.* История экономических учений. Глава 21. § 2. Кейнсианские концепции “большого толчка”. – М. : Инфра – М, 1998. – С. 451–459.
15. *Лугняк В.Я.* Институциональная парадигма в политической экономике на примере Франции. – М. : Наука, 1999. – С. 64.
16. *Мюрдаль Г.* Современные проблемы “третьего мира”. – М. : Прогресс, 1972. – С. 181, 232.
17. *Кондратьев В.* Государство и корпорации в стратегии глобальной конкурентоспособности // Международные процессы. – 2006. – № 3. – С. 45.
18. *Lin J.* New Structural Economics: A Framework for Rethinking Development and Policy. – Washington, DC : World Bank, 2012. – P. 139.
19. *Рикардо Д.* Начала политической экономики и налогообложения. – Т. 1. – Глава 7. – М. : Госполитиздат, 1955. – С. 144–150.
20. *Райнерт Э.* Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. – М. : Высшая школа экономики, 2013. – С. 151.
21. *Lin J., Chang Ha-J.* Should Industrial Policy in Developing Countries Conform to Comparative Advantage or Defy it? A Debate between Justin Lin and Ha-Joon Chang // Development Policy Review. – 2009. – № 27 (5). – P. 483–502.
22. *Шелобская Н.В.* Новые приоритеты промышленной политики: опыт стран Западной Европы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : vprk.name/news/124357_noxtie_prioritety_promxis//poeikiki_opyt_stran_zapadnoi_evropyi.html.
23. *Иванова Н.И.* Инновационная политика: теория и практика // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – № 1. – С. 6.
24. *Механик А.* Селекция и отбор // Эксперт. – 2016. – № 6. – С. 45.

References

1. Guriev S., Plekhanov A., Sonin K. *Ekonomicheskii mekhanizm syr'evoi modeli razvitiya* [The economic mechanism of a raw-material model of development]. *Vopr. Ekonom.* – *Quest. of Economy*, 2010, No. 3, p. 12 [in Russian].
2. Mau V. *Mezhdu modernizatsiei i zastoem ekonomicheskoi politiki 2012 goda* [Between a modernization and a stagnation of the economic policy of 2012 year]. *Vopr. Ekonom.* – *Quest. of Economy*, 2013, No. 2, p. 8 [in Russian].
3. Vishnevskii V. *Promyshlennaya politika: teoreticheskii aspekt* [Industrial policy: theoretical aspect]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2012, No. 2, pp. 4–15; No. 3, pp. 25–35 [in Russian].
4. Heyets V.M. *Bar'ery na puti razvitiya promyshlennosti na innovatsionnoi osnove i vozmozhnosti ikh preodoleniya* [Barriers on a way of development of the industry on the innovative basis and possibilities to overcome them]. *Ekonomika Ukrainy – Economy of Ukraine*, 2015, No. 1, pp. 4–25 [in Russian].
5. Rassadina A. *Promyshlennaya politika kak faktor strukturnoi transformatsii* [Industrial policy as a factor of the structural transformation]. *Ekonomist – Economist*, 2015, No. 7, pp. 30–42 [in Russian].
6. Tolkachev S. *Dve modeli neoindustrializatsii: Germaniya – “industrializatsiya 4.0”, SShA – “Promyshlennyy internet”* [Two models of neoindustrialization: Germany – “industrialization 4.0”, the USA – “Industrial internet”]. *Ekonomist – Economist*, 2015, No. 9, pp. 13–23 [in Russian].
7. Khan M. The Industrial Policy. Governance Challenge. SOAS, University of London, German Development Institute, Bonn, September 2014, pp. 1–9.

8. Petlevoi V. *Metall bez sprosa* [Metal without demand]. *Vedomosti – Statements*, December 25, 2015 [in Russian].
9. Yaremenko Yu.V. *Prioritety Strukturnoi Politiki i Opyt Reform* [Priorities of the Structural Policy and the Experience of Reforms]. Moscow, Nauka, 1999, pp. 9–10 [in Russian].
10. List F. *Natsional'naya Sistema Politicheskoi Ekonomii* [Das Nationale System der Politischen Ökonomie]. Moscow, Evropa, 2005, p. 39 [in Russian].
11. Mel'yantsev V.A. *Obzor diskussii* [Review of a discussion]. *Mir. Ekon. i Mezhdun. Otnosh. – World Econ. and Intern. Relat.*, 2015, No. 10, p. 105 [in Russian].
12. Salitskii A.I. *Obzor diskussii* [Review of a discussion]. *Mir. Ekon. i Mezhdun. Otnosh. – World Econ. and Intern. Relat.*, 2015, No. 10, p. 106 [in Russian].
13. Porter M. *Konkurentsiya* [On Competition]. Moscow, Vil'yams, 2005, p. 362 [in Russian].
14. Khudokormov A.G. *Istoriya Ekonomicheskikh Uchenii. Glava 21. § 2. Keinsianskie kontseptsii “bol'shogo tolchka”* [History of Economic Doctrines. Chapter 21. Section 2. Keynesian conceptions of a “big push”]. Moscow, Infra – M, 1998, pp. 451–459 [in Russian].
15. Gugnyak V.Ya. *Institutsional'naya Paradigma v Politicheskoi Ekonomii na Primere Frantsii* [The Institutional Paradigm in Political Economy by the Example of France]. Moscow, Nauka, 1999, p. 64 [in Russian].
16. Myrdal G. *Sovremennye Problemy “Tret'ego Mira”* [Modern Problems of “the Third World”]. Moscow, Progress, 1972, pp. 181, 232 [in Russian].
17. Kondrat'ev V. *Gosudarstvo i korporatsii v strategii global'noi konkurentosposobnosti* [State and corporations in the strategy of global competitiveness]. *Mezhdun. Prots. – Intern. Process.*, 2006, No. 3, p. 45 [in Russian].
18. Lin J. *New Structural Economics: A Framework for Rethinking Development and Policy*. Washington, DC, World Bank, 2012, p. 139.
19. Ricardo D. *Nachala Politicheskoi Ekonomii i Nalogooblozheniya* [On the Principles of Political Economy and Taxation]. Vol. 1, Chap. 7. Moscow, Gospolitizdat, 1955, pp. 144–150 [in Russian].
20. Reinert E. *Kak Bogatye Strany Stali Bogatymi, i Pochemu Bednye Strany Ostayutsya Bednymi* [How Rich Countries Got Rich and Why Poor Countries Stay Poor]. Moscow, Publ. House of the State Higher School of Economy, 2013, p. 151 [in Russian].
21. Lin J., Chang Ha-J. Should industrial policy in developing countries conform to comparative advantage or defy it? A debate between Justin Lin and Ha-Joon Chang. *Develop. Policy Rev.*, 2009, No. 27 (5), pp. 483–502.
22. Shelyubskaya N.V. *Novye priority promyshlennoi politiki: opyt stran Zapadnoi Evropy* [New priorities of the industrial policy: the experience of countries of the West Europe], available at: VPK.name/news//124357_noxtie_priority_promxis//poeikiki_opyt_stran_zapadnoi_evropy.html [in Russian].
23. Ivanova N.I. *Innovatsionnaya politika: teoriya i praktika* [Innovative policy: theory and practice]. *Mir. Ekon. i Mezhdun. Otnosh. – World Econ. and Intern. Relat.*, 2016, No. 1, p. 6 [in Russian].
24. Mekhanik A. *Selektsiya i otbor* [Selection and sampling]. *Ekspert – Expert*, 2016, No. 6, p. 45 [in Russian].

Статья поступила в редакцию 28 марта 2016 г.
